отрезок биографического мифа, в домысливании которого авторы были относительно свободны, и при этом «прижизненная» часть биографии не обнаруживала существенных расхождений с официальной версией, то Перумов, Олди и Норштейн вольно заимствовали отдельные элементы гумилёвского мифа, не заботясь ни о мотивировке перенесения поэта в сотворенные ими миры, ни о хронологической отнесенности формируемого образа персонажа к «общепринятой» гумилёвской биографии. Заметный налет мистицизма отмечается и в сублитературном бытовании гумилёвского мифа. В качестве примера можно вспомнить историю о сонете Л.М. Райфельда – якобы результате его «оккультно-поэтической» переписки с покойным поэтом [6].

Таким образом, гумилёвский миф утрачивает рамки хронотопической отнесенности и начинает функционировать в современной литературе как веер возможностей: реальная гумилёвская биография воспринимается как один из множества вариантов, «отражений», проекций вневременного, сошедшего с небес во имя исполнения миссии посланника высших миров.

Изучение принципов и закономерностей мифологизации образа Н.С. Гумилёва не только помогает ориентироваться в разночтениях, встречающихся у биографов поэта и во многом обусловленных давлением мифологического канона, но и способствует более глубокому пониманию современного литературного процесса, неотъемлемой частью которого является мифологизация наиболее значимых в истории литературы имен.

Литература

1. Бондарев А.Г. Чеховский миф в современной поэзии : дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2009.

2. Гузевич Д.Ю., Петрановский В. «Виртуальный» Гумилёв, или Аналитические воспоминания // In memoriam : сб. памяти В. Аллоя. СПб., 2005. URL: http://www.gumilev.ru/biography/42/print.

3. Давидсон А.Б. Николай Гумилёв. Поэт, путешественник, воин. Смоленск : Русич, 2001.

4. Доброзракова Г.А. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова : дис. … канд. филол. наук. Самара, 2007.

5. Енишерлов В. Возвращение Николая Гумилёва // Наше наследие. 2003. №67/68. URL : http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6809.php.

6. Зобнин Ю.В. Николай Гумилёв – поэт Православия. СПб., 2000. URL : http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/gumilev/pravosl/1_1.

7. Кудряшова А.А. Лермонтовский миф в русской литературе : дис. … канд. филол. наук. М., 2007.

8. Магомедова Д.М. Александр Блок // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 2. С. 89–143.

9. Николай Гумилёв: исследования и материалы. Библиография. СПб. : Наука, 1994.

10. Образ Гумилёва в советской и эмигрантской поэзии / сост., предисл., коммент. В. Крейда. М. : Мол. гвардия, 2004.

11. Одоевцева И. На берегах Невы. М. : Худож. лит., 1989.

12. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М. : Высш. шк., 2005.

Functioning of Gumilev's myth in the Russian literature of XX–XXI centuries

There are sorted out the main stages of Gumilev's myth functioning in the Russian literature. There are traced the peculiarities of each stage and regarded the most typical texts for them. There are determined the regularities of Gumilev's myth transformation.

Key words: *Gumilev, myth, mythologizing, biographical, functioning.*

Е.Ю. КУЛИКОВА
(Новосибирск)

О МИСТИЧЕСКИХ ПРОГУЛКАХ В СТИХАХ А.А. АХМАТОВОЙ

Рассматривая мистические прогулки в стихах А.А. Ахматовой («Заболеть бы как следует, в жгучем бреду», «Все души милых на высоких звездах»), автор анализирует особенности пространственной организации прогулок-встреч, находящихся на границе реального и ирреального миров, а также отмечает переклички с поэтическими текстами М.Ю. Лермонтова и М. Кузмина.

Ключевые слова: *пространство, движение, динамический аспект, зеркало, двойничество.*

Возвращение и воспоминание, пожалуй, основные мотивы в лирике А.А. Ахматовой: именно через них читателю открывается ее мир, наполненный встречами с друзьями, жи-

© Куликова Е.Ю., 2011

выми и умершими; поэтами – современниками (О.Э. Мандельштам, Б.Л. Пастернак, Н.С. Гумилёв, М.И. Цветаева и др.) и классиками (А.С. Пушкин, Данте); городами и любимыми местами; вещами и образами, забытыми и всплывающими в подвалах памяти. Иногда Ахматова описывает пир или карнавал с мертвецами, воскрешенными силой ее любви, а иногда – прогулку по дорогим сердцу местам: Царскосельским аллеям или *между царственных лип* Летнего сада, по улицам Петербурга *сквозь мягко падающий снег* или *по твердому гребню сугроба* в *таинственный дом*, вдоль *круглого луга* и *неживой воды* в холмистом Павловске или по белеющей *в чаще изумрудной* дороге…

В стихотворении «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду…» встреча с потерянными «милыми» возможна лишь в состоянии сна-бреда, вызванного тяжелой болезнью, когда чувствуешь себя на границе жизни в преддверии смерти. Однако именно это состояние манит к себе героиня, потому что мечтает о нездешнем свидании в «приморском саду», о голубом винограде и ледяном вине, которые можно разделить с утраченными возлюбленными. Мистическое свидание мыслится как райская прогулка «по широким аллеям», наполненным теплом солнца и запахом ветра. Это возвращение в мистическое будущее, подобное когда-то пережитому, но не забытому. Мечта создает картину ирреальной прогулки, напоминающей прежде бывшие, но невозможные сейчас.

Во второй строфе стихотворения пространство из приморского сада перемещается в дом, который наполняют гости – мертвые и изгнанники. Сюжет встречи с мертвецами напоминает пушкинского «Гробовщика», но у Ахматовой акценты изменены: это встреча, которую она жаждет и которая наполнит ее счастьем и светом, так не хватающим ей в бытии. Характерно, что среди пришедших есть и погибшие, и живые – те, с кем свидание невозможно. Сын упомянут в контексте встречи за гробом с его отцом (*Ты ребенка за ручку ко мне приведи* [1, т. 1, с. 388]). Н.В. Королева, комментируя стих, отмечает, что это «непосредственное обращение к казненному Н.С. Гумилеву» (Там же, с. 879).

Ю.К. Щеглов отмечает «способность ЛГ (лирической героини. – *Е.К.*)» Ахматовой «к проницанию времени (память) и пространства (телепатия)… к экстатическим, взволнованным, бредовым состояниям… Во многих стихотворениях… общение ЛГ с гостями из прошлого имеет оттенок бреда, транса, иногда даже полупомешанности, мотивирующих неспособность уловить грань между живыми и мертвыми» [2, с. 287]. Встреча мертвых и изгнанников отчасти уравнивает акценты. Заметим, однако, что прогулка в середине стихотворения как будто прерывается, постепенно переходя в пир, радостный прием гостей, о которых всегда думала хозяйка. Однако последняя строфа снова выводит героев вовне, и прогулка продолжается уже на фоне прекрасного пейзажа: *струится седой водопад / На кремнистое влажное дно* [1, с. 388]. *Ледяное вино* контрастирует и в то же время перекликается со струением *седого водопада*: холодность вина и седина водопада взаимно дополняют друг друга, создавая эффект потусторонности и вместе с тем изысканности описываемого уголка, а вертикальная протяженность (до *кремнистого влажного дна*) удлиняет пространство, подчеркивая его ирреальность. Дно напоминает о низшей границе бытия, но она не трагична и ужасна, а живописна и уютна.

Последняя строфа во многом ориентирована на знаменитое лермонтовское «Выхожу один я на дорогу…», где параллель «небо – земля» отчетливо прочерчена: *Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит. / В небесах торжественно и чудно! / Спит земля в сиянье голубом* [4, с. 222]. Ахматова использует два эпитета Лермонтова в одной строфе: *кремнистый* путь превращается в *кремнистое* дно, а сиянье *голубое*, окружающее землю, – в *голубой* виноград. Метафорические образы приобретают определенность значения, из невесомых романтических становятся детальными акмеистическими, принимают форму и предметность. Между тем сквозь эту четкость и ясность проступают неверные черты призрачного мира, в котором возможно свидание с потерянными «милыми», как в стихотворении, написанном немного раньше, – «Все души милых на высоких звездах…».

Сочетание вполне земной, почти бытовой прогулки на фоне седого водопада с посещением иного мира, в какой-то мере отзываясь на фантастическое путешествие Данте, выявляет такое свойство поэтики Ахматовой, как стремление к контаминации двух пространств, легкому, почти бесплотному, проникновению в потустороннее бытие. В стихотворении «Все души милых на

высоких звездах…» тоже описывается такая полуреальная, полупризрачная прогулка по Царскосельскому саду, на аллеях которого можно встретить собственную тень, «восставшую из прошлого», увидеть лиры на ветках, а потом почувствовать обыкновенные, совсем не мистические капли дождя, превращенного в тексте Ахматовой в божественный знак «благой вести». «Тема двойничества, раздвоения, мотивы отражения в широком смысле – эха, как звукового портрета, зеркала, как визуального отражения – это осевые структурообразующие темы поэтического мира Ахматовой» [5, с. 29]. Столкновение двух Я (прошлой и настоящей) в центральной строфе стихотворения дано как зеркало, в котором отражение не идентично отражаемому. Прогулка оказывается поистине ирреальной, она происходит одновременно в нескольких временах, образуемых судьбой лирической героини, которая видит себя в прошедшем времени, знает, что сейчас идет по Царскосельскому саду и одновременно рассматривает разные лиры, развешенные на ветках, т.е. сталкивается с Г.Р. Державиным, А.С. Пушкиным (как в стихотворении «Смуглый отрок бродил по аллеям…»), с И.Ф. Анненским, возможно, В.А. Комаровским и Н.С. Гумилёвым. «С механической точки зрения прошлого *уже* нет, будущего *еще* нет (курсив мой. – *Е.К.*), а настоящее – лишь мэон, чисто умопостигаемая граница между прошлым и будущим» [6, с. 715].

Помимо свидания с любимыми поэтами, героиня чувствует близость «милых». Подчеркнем повторяемость этого почти фольклорного слова, используемого в двух текстах, где описаны мистические прогулки. Однако, если в стихотворении «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду…» «милые» – это потерянные мертвые и живые (те живые, которых нельзя увидеть и обнять), то в строках «Все души милых на высоких звездах…» нет намека на реальную встречу, а в душе героини возникает чувство свободы и легкости, рожденное одиночеством и прошлым страхом потери.

Ахматова умеет показать ирреальное как обыкновенное, доступное и понятное. В ее лирике встреча с собственной тенью происходит на фоне серебряной ивы, слегка погруженной в пруд, воды которого сияют сентябрьской яркостью, солнечный и редкий дождик оказывается божественным вестником, Царскосельский воздух наполнен песнями русских поэтов. Именно такая организация пространства характерна и для стихотворения «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду…». Ахматова сознательно смещает границы мертвого и живого и наделяет бесплотные образы бытием и вещественностью. Прогулка «по широким аллеям» превращается в пикник, напоминающий описания-натюрморты М.А. Кузмина (*Где слог найду, чтоб описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную булку / И вишен спелых сладостный агат?* [3, с. 22]) и в то же время бесконечно далекий от такого изящного натурализма.

В последней строфе дважды повторяется слово *вино* – сначала как элемент лексемы ***вино**град*, потом самостоятельно. Нарочитая анафоричность (*Буду… есть… **вино**град – Буду пить… **вино***) только подчеркивает заданную сему. В двух финальных стихах звук [в] словно вплетен в структуру важнейших для Ахматовой образов: ***в**одопад* и ***в**лажное* дно. ***В**иноград* сначала превращается в ***в**ино*, потом становится ***в**одопадом* и наконец приобретает общее значение ***в**лаги*, сдвигая при этом перспективу в абсолютный низ. В ряду данных образов можно отметить еще одну ассоциацию с Лермонтовым. Голубой – любимый цвет поэта, особенно в сочетании с золотым или серебряным (у Ахматовой *голубой* виноград рифмуется с *седым* водопадом), и если *кремнистое* дно отсылает к стихотворению «Выхожу один я на дорогу…», то влажное дно – к балладе «Русалка»: *На дне у меня / Играет мерцание дня* [4, с. 145]. Сюжет лермонтовской баллады основан на любви русалки к мертвому витязю, покоящемуся *на подушке из ярких песков, / Под тенью густых тростников* (Там же, с. 145), а стихотворения Ахматовой – на встрече в загробном саду с мертвыми или изгнанными «милыми». Эта параллель подчеркивает мистическую природу прогулки и пикника с мертвыми у седого водопада.

Описание садов в лирике Ахматовой часто имеет отнесенность к иному миру. Финал стихотворения «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли…» из микроцикла «Городу Пушкина» *возьму и за Лету с собою / Очертанья живые моих царскосельских садов* [1, т. 2, кн. 1, с. 202] в первоначальной редакции (5 октября 1957 г., автограф РГАЛИ) выглядел так: *возьму и за Лету с собою / Очертанье земное прекрасных загробных садов* (Там же, с. 588). Более того, у стихотворения были заголовок «Царскосельская элегия» и подзаголовок «Памяти друга». «Редакция стихотворения, имею-

щая этот подзаголовок, обращена к умершим друзьям, с которыми была связана юность поэта» [2, с. 589], отмечает Н.В. Королева и называет имена царскосельских друзей Ахматовой – «расстрелянного Гумилёва, умерших Комаровского и Недоброво, погибшего в лагере Пунина» (Там же).

Так, текст 1957 г. перекликается с гораздо более ранним («Заболеть бы как следует, в жгучем бреду…» (1922)) не только сюжетом встречи с мертвыми любимыми, но и мотивом совместной прогулки по загробным садам, прямо не названным ни в одном из рассматриваемых стихотворений.

Движение, иногда «шествие теней», прогулка по *дорожке* аллеи, ставшей *дорогой*, – вот характерные мотивы ахматовской лирики. Встреча с мертвыми происходит на приморской или царскосельской аллее, улице Москвы, знакомой тропинке, у водопада. Призрачные гости Ахматовой идут вместе с ней, не замедляя шага, проводя лирическую героиню в ирреальное пространство и отчасти оказываясь в ее мире, пространстве ее сознания.

Литература

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1998 – 1999. Т. 1, 2.
2. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. М., 1996.
3. Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 1.
5. Обухова О.Я. Образ тени в поэзии Анны Ахматовой // Анна Ахматова и русская культура начала XX века : тез. конф. М., 1989. С. 29 – 30.
6. Филиппов Б. Зеркало – Зазеркалье – Зерцало Клио // А. Ахматова: Pro et contra. СПб., 2005. Т. 2. С. 709 – 720.

About mystical walks in the poems of Anna Akhmatova

Considering mystical walks in the poems by A.A.Akhmatova, the author analyzes the peculiarities of space organization of walks, which are at the verge of real and unreal worlds, and also notices something in common with the poetic texts by M.Y.Lermontov and M.Kuzmin.

Key words: *space, movement, dynamic aspect, mirror, duality.*

Н.В. ЛАВРЕНТЬЕВА
(Рязань)

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ВОСПРИЯТИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б. ПАСТЕРНАКА (по письмам 1905–1906 гг.)

Всестороннему анализу подвергаются письма Б. Пастернака из Берлина (1905–1906 гг.); исследуется образ Германии, получивший свое отражение в письмах и позже воплотившийся в произведениях Б. Пастернака.

Ключевые слова: *Б. Пастернак, письма, поездка в Берлин, образ Германии, восприятие и интерпретация.*

Особое место в творческой парадигме Б. Пастернака занимает немецкая культура. Обнаружить ее коды и знаки в произведениях поэта нетрудно, сложнее их идентифицировать. Одна из причин столь интенсивного использования «немецкого текста» в прозе, поэзии, письмах, публицистике, на наш взгляд, – раннее и одновременно с этим очень глубокое погружение Б. Пастернака в немецкоязычную среду. При этом надо отметить, что такое погружение было подготовлено семейной традицией Пастернаков: отец поэта три года прожил в Мюнхене, мать, будучи до замужества активно гастролирующей пианисткой, достаточно часто посещала немецкоязычные страны, более того, среди знакомых семьи было немало представителей немецкой общественности, все дети изучали немецкий язык, читали, писали и говорили на нем постоянно. Также необходимо учитывать, что Б. Пастернак оказался в Германии в момент духовного и эмоционального становления: в 1906 г. во время первой поездки в Берлин он накапливает бесценный опыт впечатлений, еще не зная, что через 6 лет также в Германии, в Марбурге, он осознает себя не философом, а Поэтом. Все увиденное в Берлине 1906 г. воплотится в письмах и воспоминаниях.

Пастернак всегда утверждал важность воспоминаний, особенно тех, которые запечатлела еще совсем юная память: «Сколько бы нам потом ни набегало десятков, они бессильны наполнить этот ангар, в который они залетают за воспоминаниями, порознь и кучею, днем и ночью, как учебные аэропланы за бензином. Другими словами, эти годы в нашей жизни со-

© Лаврентьева Н.В., 2011